

Ованес Туманян

Охотник врунишка

На отцовские ли крестины, на матушкины ли именины собралось нас человек пять или шесть, взяли мы у кого что есть, и кто с ножом, кто с ружьем пошли на охоту. Стало быть, Ади, да еще Уди, да еще Чати, да еще Мати, да еще отец, да еще я на охоту пошли...

По горам и долинам шли напрямиком, а где дичь была, шли тишком да молчком, а где страх разбирал, шли тайком.

Шли мы, шли без конца, вдруг видим три озерца — два иссохших, в третьем ни капли воды. В том озерце, которое безводно, плавают себе свободно — смотри-ка! смотри! — белые утки. Сколько их? Три — дведохлые, одна неживая.

— Ади, пали, бей!

— Ружья нет.

— Уди, пали, бей!

— И у меня нет.

— Чати, пали!

— Мати, бей!

— Не из чего бить...

— Как же нам быть?

Было у отца короткое и длинное полено. Опустился он на колено, прицелился, одолел страх — и трах-тарарах! Он стрельнул, я пальнул; только я пальнул, утка «кряк!» и распласталась, да как — каждое крыло с десяток локтей!

— Ади, нож!

— Ножа нет.

— У тебя, Уди?

— И у меня нет.

— Чати, режь! — Мати, руби!

— Нечем рубить...

— Как же нам быть?

У отца был нож, да ни на что не гожд.

Стали резать утку негожим этим ножом. Ади резал, не прирезал. Уди резал, не прирезал. Чати не прирезал, Мати не прирезал, отец тоже не прирезал, а я, то ли ногтями, то ли железом — прирезал.

Прирезал, наземь опустил, стою без сил. Какая там утка — буйвол! Ади на плечи взвалил — уронил. Уди уронил, Чати уронил, Мати уронил, отец тоже уронил. Я взвалил — не уронил. Не уронил, мы и пошли.

Шли мы и шли куда нелегкая несла, вдруг видим три села — двух не разглядеть, в третьем ни единого дома. В третьем этом селе тут ищем — не найдем, там ищем — не найдем, наконец отыскали один дом, а в нем три старухи — две мертвые, одна не дышит.

— Братцы, — говорим, — не сварить ли нам плов с уткой?

Старуха, которая не дышит, тут ищет, там ищет, наконец отыскала пол рисинки и три котла — два дырявых, а у третьего котла дно выжжено дотла.

Налили воду в котел без дна — сверху рис, а утка ушла вниз. Варили, варили, да вот беда: мясо с рисом выкипели, осталась вода.

Люди на охоте оголодали, накинулись на плов, будто век не едали: мелькали ложки, а в рот не попало ни крошки.